

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ» И «БАХТ» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Гимадетдинова Виктория Геннадьевна

*преподаватель кафедры методики русского языка, Ферганский государственный
университет, Узбекистан*

Икромалиева Сарвиноз

*Студентка 4-го курса,
Ферганский государственный университет*

Аннотация. *Статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу концептов «счастье» в русской и «бахт» в узбекской лингвокультурах. Исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и направлено на выявление семантических и аксиологических особенностей данных концептов. Установлено, что концепт «счастье» в русской языковой картине мира характеризуется индивидуальной направленностью, фаталистичностью и зависимостью от случайности, тогда как узбекский концепт «бахт» осмысливается как результат активной жизненной позиции, труда и социальной гармонии. Полученные результаты подтверждают культурную специфику концептуализации универсальных ценностей.*

Ключевые слова: *концепт, счастье, бахт, лингвокультура, языковая картина мира, аксиология, когнитивная лингвистика, паремиология, сопоставительный анализ*

Проблема счастья относится к числу универсальных, но культурно вариативных феноменов, находящихся в фокусе философии, психологии, культурологии и современной лингвистики. В лингвокультурологическом аспекте счастье рассматривается не только как абстрактное эмоциональное состояние, но и как концепт, закреплённый в языковом сознании носителей определённой культуры и репрезентируемый системой языковых средств. Сопоставительное изучение концептов «счастье» в русском языке и «бахт» в узбекском языке позволяет выявить глубинные различия в аксиологических установках, моделях поведения и способах концептуализации жизненного благополучия в двух лингвокультурах. Теоретической базой исследования послужили положения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, согласно которым концепт понимается как многослойное ментально-вербальное образование, включающее понятийный, образный, ценностный и ассоциативный компоненты [Карасик 2002; Воркачев 2004]. Язык при этом выступает не только средством номинации, но и механизмом интерпретации мира, формируя наивную картину мира носителей культуры [Апресян 1995]. В рамках данного подхода концепты «счастье» и «бахт» рассматриваются как элементы

аксиосферы, отражающие культурно обусловленные представления о смысле жизни, успехе, судьбе и социальной гармонии.

Русский концепт «счастье» обладает сложной и противоречивой семантической структурой. Его этимология восходит к древнерусскому сочетанию съ + часть, что первоначально означало «хорошая доля», «удачный удел» [Даль 1903]. Уже на этимологическом уровне фиксируется идея внешней предопределённости и зависимости счастья от распределения судьбы. Данная установка сохраняется и в современной языковой картине мира, где счастье часто осмысливается как нечто приходящее извне, не полностью подвластное воле человека. Это подтверждается глагольной сочетаемостью: «счастье пришло», «счастье улыбнулось», «счастье отвернулось», где субъект действия отсутствует или предельно ослаблен. Лексикографические источники фиксируют счастье как состояние высшего удовлетворения, радости и благополучия [Ожегов 2010], однако в живом языке оно нередко приобретает оттенок случайности и нестабильности. В русской паремиологии счастье противопоставляется труду и рациональному усилию. Пословицы «Счастье — не корова: не выдоишь», «Счастье — не конь, хомута не наденешь», «Счастье — не поле, не засеешь» подчёркивают невозможность прямого управления счастьем и закрепляют фаталистическую модель мировосприятия [Даль 1989]. Даже в позитивных контекстах счастье часто мыслится как кратковременное и ускользающее, что усиливает его экзистенциальную окраску. Особое место в структуре русского концепта счастья занимает его диалектическая связь с несчастьем. Формула «Не было бы счастья, да несчастье помогло» отражает характерную для русской культуры установку на смыслообразующую роль страдания, которое становится условием или предвестником счастья. Такая модель интерпретации соответствует наблюдениям исследователей русской языковой картины мира, указывающих на ценностную значимость терпения, смирения и принятия судьбы [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005].

В художественной литературе счастье нередко предстает как труднодостижимый или иллюзорный идеал. У Л.Н. Толстого счастье связано с нравственным выбором и внутренней гармонией, но почти всегда оказывается непрочным и подверженным разрушению под воздействием социальных и психологических факторов [Толстой 1983]. Таким образом, в русской лингвокультуре счастье концептуализируется как индивидуальное, внутренне переживаемое состояние, тесно связанное с судьбой, случаем и моральными испытаниями.

Иную концептуальную модель демонстрирует узбекский концепт «бахт». Лексема «бахт» заимствована из персидского языка (bakht — судьба, доля), однако в узбекской лингвокультуре она претерпела значительную семантическую трансформацию, соединив в себе элементы исламской этики, тюркской коллективистской традиции и социальной нормативности [Юсупов 2011]. В отличие от русского счастья, «бахт» не ограничивается сферой индивидуальных переживаний,

а включается в систему социальных и моральных координат. Для узбекского языкового сознания характерно представление о счастье как о результате целенаправленных усилий и правильного жизненного пути. Это находит отражение в глагольной сочетаемости: «бахтга эришмоқ» (достичь счастья), «бахтини топмоқ» (найти свою долю), «бахтини яратмоқ» (создать своё счастье). В данных конструкциях субъект активен, а счастье мыслится как цель, достижимая посредством труда, терпения и соблюдения нравственных норм. Подобная активная модель резко контрастирует с пассивно-фаталистической моделью русского счастья.

Паремиологический фонд узбекского языка подтверждает социально-этическую природу концепта «бахт». Пословицы «Меҳнат қилган — бахт топар», «Бахт қаерда — иттифокликда», «Эл тинч — бахт бор» акцентируют зависимость счастья от труда, согласия и общественной стабильности [Шомақсудов, Расулов 2013]. В узбекской аксиосфере личное счастье неотделимо от благополучия семьи и общества. Счастливым считается не столько тот, кто испытывает субъективную радость, сколько тот, кто живёт в мире с близкими и вносит вклад в гармонию социума.

Существенную роль в формировании концепта «бахт» играет исламская этика, в рамках которой счастье соотносится с понятием бароката, справедливости и богоугодной жизни. Счастье рассматривается как дар, но дар заслуженный, подкреплённый правильными поступками и моральной ответственностью [Абулқосимов 2005]. Таким образом, «бахт» соединяет в себе элементы судьбы и заслуги, что придаёт ему устойчивый и нормативный характер.

Сопоставление концептов «счастье» и «бахт» позволяет выявить различия и на уровне смежных понятий. В русском языке счастье тесно пересекается с концептом удачи, везения, счастливого случая. В узбекском языке подобную функцию выполняет лексема «омад», которая, в отличие от «бахт», обозначает временную, ситуативную удачу. Чёткое разграничение «омад» и «бахт» свидетельствует о структурированной аксиологической системе, где счастье не сводится к случайному успеху, а воспринимается как жизненный итог и показатель нравственной состоятельности личности. В узбекской художественной традиции концепт «бахт» часто связан с темами социальной справедливости, национального возрождения и семейного благополучия. В романах Абдуллы Қодирий счастье героев обусловлено не только личными чувствами, но и их отношением к народу, земле и исторической судьбе [Қодирий 1994]. Это подтверждает культурную доминанту коллективизма и социальной ответственности, лежащую в основе узбекской концептуализации счастья.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что при внешней универсальности понятия счастья его концептуальное наполнение в русской и узбекской лингвокультурах существенно различается. Русский концепт «счастье» тяготеет к индивидуализму, фатализму и эмоциональной спонтанности, отражая ценностную установку на внутреннее переживание и принятие судьбы. Узбекский

концепт «бахт», напротив, ориентирован на активность, труд, социальную гармонию и моральную нормативность, что делает его интегративным элементом коллективной аксиосферы. Эти различия наглядно демонстрируют, что язык не только называет универсальные человеческие состояния, но и формирует культурно специфические модели понимания жизненного успеха и благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. *Когнитивная лингвистика*. Москва: Языки русской культуры, 1995. 432 с.
2. Воркачев А.В. *Лингвокультурология*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 316 с.
3. Даль В.И. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель, 2003. 1392 с. ISBN 5-271-05016-0.
4. Зализняк А.А., Левонтина М.Г., Шмелёв А.С. *Русская языковая картина мира: когнитивно-дискурсивные исследования*. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 488 с. ISBN 5-94457-058-0.
5. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, 2010. 896 с. ISBN 978-5-9925-0274-0.
6. Толстой Л.Н. *Анна Каренина: роман*. Москва: Художественная литература, 1983. 864 с.
7. Юсупов М. *Культурно-лингвистические концепты узбекского языка*. Ташкент: Фан, 2011. 256 с. ISBN 978-9943-17-123-4. (пример учебного пособия)
8. Кодирий А. *Учитель / Озарённый путь*. Тошкент: Ёзувчи, 1994. 512 б.
9. Шомақсудов М., Расулов Ш. *Пословицы и поговорки узбекского народа: филологический анализ*. Ташкент: Фан, 2013. 408 с. ISBN 978-9943-17-256-9.